

МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
103009, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты
КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

г. Москва

РЕПОРТАЖ ИЗ-ЗА КУЛИС

Скажу сразу: в ней нет ничего особенного. Так, обычная кепка. Черно-белая, в клетку. Правда, хозяин ее не всегда пользуется кепкой по назначению. Иногда он наливает в нее воду, бросает кепи, как бумеранг, играет на ней с друзьями в шашки...

— И даже жонглирую, когда придется,— добавляет народный артист СССР Олег Попов.— Но, ничего. Пока она мой причуды терпит.

Теперь эту кепку знают все. За тридцать три года она «объездила» с гастрольями всю Европу, Америку, Азию. «Только в Индии, Китае и Африке не была»,— уточнил Олег Константинович.

В Бельгии, с легкой руки таможенников, ее окрестили «паспортом русского клоуна». В Англии репортеры цирковой хроники присудили кепке Попова почетный титул «Кепка № 1». Ее фотографии печатали в иллюстрированных журналах мод. В Париже одно время даже устраивали в честь «поповки» сезонные распродажи клетчатых кепи...

А началось все как-то уж чересчур просто,— говорит Олег Константинович.— Со склада. В 53-м году мне предложили сняться в фильме «Арена смелых» режиссера Юрия Озерова. Сыграть себя — клоуна. Ну я согласился.

Пробы, помню, снимали на фоне пляжа. И фон такой был, знаете, яркий, цветастый. А я — в какой-то серой одежде, ничего броского, ничего пестрого. В общем, нужно было надеть что-нибудь «попляжнее». И я после первого дубля побежал на склад, где хранился кинорекивизит.

Смотрю — ящики стоят. Пустые. И только у самой стенки, в корзине, какие-то цилиндры, шляпы, фуражки. Роюсь, роюсь, вижу: кепка. Веселая, озорная, из черно-белого бархата. Надеваю, подхожу к зеркалу — клоун. Вылитый! Вот так мы с ней и познакомимся. В перерыве между дублями...

Увидевшая вскоре «поповку» А. Судакевич, художник московского цирка, предложила Олегу Константиновичу сменить свой пиджак на кафтан. Самый обыкновенный — XVI века. Точнее, на костюм, сшитый по старым кафтанам меркам,— длинный, мешковатый,

с широкими рукавами. Он был, как кепка: смешной и обыденный. И, как кепка, смешными и обыденными были красный галстук-бабочка, белая манишка, ботинки с круглыми носками. Зрители не видели в них ничего утрированного, клоунского. Ни привычных брюк-«гармошек», ни ботинок 51-го размера... И все-таки она смешила. До слез.

Клоун ведь и на самом деле философ. Смех — штука серьезная. И работать с ним надо тоже по-серьезному. Иначе зритель только посмеется над трюками, и все. А нужно, чтобы он еще и поразмыслил кое над чем. С клоуном вместе.

Смех — это, если хотите, указка, а клоун — учитель. Вот видите, я уже философствую...

лись быстро. Это сейчас у меня кепки покрепче, из металла. А тогда...

— Олег Константинович, вы, наверное, оговорились про металл...

— Ничего подобного. Они действительно металлические. Ткань такая есть — металл. Ну вот из нее и сшили. Теперь не рвутся, не пачкаются. Не кепки — мечта. Я вон даже в

КЕПКА С СЕКРЕТОМ

— Что, одежда? А может, смешил сам клоун? Он ведь у меня добрый, мягкий, лиричный. И смеются над ним так же: не унижительно, не зло. По-доброму. Каков клоун — таков и смех.

Смех — он, понимаете, должен быть чистым, солнечным, что ли. Как лучик...

— Из вашей репризы «Луч»?

— Да, именно. Она, кстати, моя любимая из всех ста пятидесяти реприз. Помните? Я выхожу на арену, «ловлю» непослушный луч и под ним засыпаю. Вдруг — свисток дежурного по манежу. Уходи, мол. Я встаю, ухожу, и «прирученный» луч уже сам идет за мной. Тогда я его осторожно «собираю», «кладу» в корзинку — корзинка светится. И в конце сцены я дарю «свой» луч всем зрителям. За эту репризу в 1979 году в Голландии мне вручили «философский» приз имени Эразма Роттердамского.

Казалось бы, странно, да? Клоуну, «смехачу» — и вдруг такой приз. А странного ниче-

го нет. Клоун ведь и на самом деле философ. Смех — штука серьезная. И работать с ним надо тоже по-серьезному. Иначе зритель только посмеется над трюками, и все. А нужно, чтобы он еще и поразмыслил кое над чем. С клоуном вместе.

Конкурс был труднейший. Съехались ведь «звезды» из всех прославленных цирков. Представляете, накал какой! К тому же и условия его были довольно-таки жесткие: день — на выступление. И ни часом больше. Правда, я по просьбе жюри выступал все дни. До самого конца. До приза...

Вот, пожалуй, первая причина, почему я так дорожу «Золотым клоуном». Ну а вторая — можно сказать, шуточная. Приз этот, верьте не верьте, на меня похож... И знаете, чем? Кепкой. Стоит такой клоун на подставке и в руках кепку держит...

Мы сидим с Олегом Константиновичем в его артистической на первом этаже нового цирка. Обычная комната, с обычной мебелью. Стулья, диван, стол-трюмо. Не слишком обычные, пожалуй, только украшения на стенах — кепки. Они висят в ряд, поодаль друг от друга. Все близнецы, все в клетку. Признаюсь: никогда не думал, что у Олега Попова их столько. Всегда почему-то казалось — кепка одна. Бес-сменная.

— Ну что вы,— говорит Олег Константинович,— их у меня уже знаете сколько перебивало? Тридцать! Если не больше. Рвались, изнашивались — прямо беда. Из бархата ведь, мягкие. Да и пачка-

одну «секрет» вставил. Показать?

Олег Попов взял со стола кепку и надел ее на голову. Обычная «поповка». Новенькая.

— А теперь я буду прощаться со зрителями...

Он стал махать рукой, и вместе с ним стала махать козырьком кепка...

— Это, если можно так сказать, «поповка» будущего,— говорит Олег Константинович.— Я ее специально сделал для своей будущей программы «Солнце над манежем». Мне бы хотелось рассказать в ней о клоуне. С такой, знаете, мыслью — «Вместо сердца у клоуна солнце, так возьмите на память лучи».

Наш разговор прервала группа студентов МГУ, пришедших с цветами к Олегу Константиновичу. «Мы что вас уже соскучились,— заявили «юни» с порога.— Вы что-то все в Москве не выступаете и не выступаете». «Гастроли, ничего не поделаешь,— вздохнул Попов,— скоро вот снова уезжаю. И опять — на гастроли...» «Да мы вас так совсем забудем,— засмеялись ребята,— только по кепке и признаем...»

— Ну что ты с ними поделаешь? — говорит Олег Константинович, проводив гостей. — По кепке только признают, и все тут. Вот сросся с ней... А ведь если бы мне тогда, на складе, кто-нибудь сказал, что кепка эта станет, так сказать, символом клоуна Попова,— не поверил бы. Ни за что не поверил. Ну что в ней особенного? Кепка и кепка. Черно-белая, в клетку. Как шахматная доска...

О. КАРМАЗА.